

Хоть он и попал под проливной дождь, в этот раз очухался удивительно быстро.

На следующее утро проснулся от голода — умял почти целую пиалу тыквенной каши с пряными закусками.

Чи Е чувствовал себя виноватым за то, что зря возвел на него напраслину. Вернувшись к полудню, он принес горсть свежесорванного инжира. Плоды как раз дошли до нужной кондиции: надломишь, сожмешь — и наружу пробивается нежная розовая мякоть, сочная и сладкая.

Лакомство любили дети, да и у соседей инжир с гранатами рос на каждом шагу — деревья стояли впритык, сгибаясь под тяжестью плодов. Добра хватало с избытком, никто не считал, рви сколько влезет.

Тун Хуайцин и впрямь ел с аппетитом, не спеша сжевал две штуки. Когда отправился мыть руки, сзади донесся голос Чи Е:

— Сгоняй со мной после обеда, надо Ноно торт выбрать.

Кондитерские в уездном городке славились своеобразным гибридом востока и запада: на витрине чинно рядами лежали традиционные таосу и тягучие люйдагунь, а в глубине на стойке выставлялись пластиковые муляжи тортов. Если у кого-то из малышни намечался день рождения, заказ делали заранее, а на следующий день забирали заветную коробку, обещавшую сладкое до приторности счастье.

Тун Хуайцин не ответил ни «да», ни «нет».

После обеда, прибравшись, Чи Е пошел к выходу, беспечно прикусив веточку винограда. На пороге оглянулся.

Надо же, идет следом.

Дойдя до пышной павловнии у выезда из переулка, Чи Е достал полотенце, смахнул пыль с грузового электротрицикла и, перемахнув длинной ногой через сиденье, повернул руль, обернувшись:

— Ну что, едем?

Тун Хуайцин помешкал, после чего ступил на подножку кузова.

На лице его читалось явное брезгливое сомнение: на дощатую скамейку он опустился лишь краешком ягодицы. Синяя краска на бортах стерлась до блеска. Внутри располагалась лишь поперечная лавочка да низкий поручень шириной в ладонь — сомнительная защита, если говорить о безопасности.

Двигатель сочным гулом огласил улицу.

Тун Хуайцин судорожно вцепился в поручень и наконец уселся плотнее. Впрочем, ожидаемой бешеной скорости не последовало: трескотни было много, а толку мало. Чи Е не спеша вел свой грузовичок. День выдался на загляденье — ни жары, ни холода, приятный свежий ветерок лишь добавлял поездке уютного комфорта.

В кондитерской лавке хозяин, Мэн Лэ, коротал время за стойкой, лузгая семечки. По телевизору шел сериал «Троецарствие» — аккурат сцена сожжения Красных скал. Мэн Лэ так увлекся, что опомнился только после того, как Чи Е постучал по стеклянной витрине.

— Ой, брат Чи пришел!

Пухленький Мэн Лэ в розоватом фартуке ловко отодвинул дверцу:

— За покупками с ребятами?

Чи Е кивнул и чуть отступил в сторону:

— Торт хочу заказать.

Мэн Лэ подхватил с лотка румяную песочную таосу и протянул гостю. Чи Е своей широкой спиной загораживал обзор, и только сейчас пекарь разглядел, что с ним пришли не привычные сорванцы, а красивый незнакомец.

Возраст гостя определить с ходу не удавалось, но лицом он был невероятно хорош — хоть и казался слегка знакомым. Вот только держался с холодным изяществом: опустил длинные ресницы и смотрел на всех с абсолютным равнодушием.

— Вкусные, попробуй.

Чи Е взял таосу и протянул Тун Хуайцину. Заведение было старое, проверенное, славилось щедрой начинкой и натуральными ингредиентами. Работают для своих, так что на качестве не экономят — выпечка всегда получалась сытной и добротной.

Особой гордостью считалась таосу: рассыпчатая, тающая во рту, щедро присыпанная черным кунжутом. Ломаешь её — и пальцы тут же покрываются ароматными крошками.

Тун Хуайцин лениво поднял веки. Посмотрел на отломленный Чи Е кусочек и лишь тогда нехотя протянул руку.

— Наша таосу — признанная классика! — расплылся в улыбке Мэн Лэ, раскрывая каталог. — Из соседних уездов люди специально заезжают, когда в гости собираются!

Выбор тортов особенным разнообразием не отличался — от силы пять или шесть вариантов. Чи Е замялся:

— Глянь-ка, какой получше будет?

Он повернулся к Тун Хуайцину. Тот ел удивительно неторопливо: пока Чи Е за пару гребков умял бы свою порцию, Тун Хуайцин только-только доел отломленный уголок. На губах у него осталась крошка. Совсем как у ребенка.

Чи Е усмехнулся и без лишних реверансов смахнул крошку пальцем. Тун Хуайцин даже не уклонился — лишь с надменным видом шагнул к витрине и окинул холодным взглядом пестрый альбом.

Пара заламинированных страниц содержала фотографии местной стряпни — буйство кислотных красок.

— Как тебе этот? — уколол пальцем страницу Чи Е. — Ноно по гороскопу Овца, смотри, какая овечка милая.

Мэн Лэ всплеснул руками:

— Точно-точно! Невероятно милый! Вот у брата Чи глаз-алмаз!

Тун Хуайцин впился взглядом в картинку.

Затем медленно перевел взор на Чи Е.

Снова опустил глаза на торт.

Ростом он едва доставал Чи Е до плеча, да и сложен был хрупко — этакая тонкая орхидея на фоне местного крепыша. Но от этого его перевода взглядов веяло такой ледяной спесью, что у Мэн Лэ душа в пятки ушла. Он боязливо шепнул Чи Е:

— Брат Чи... а это кто?

— Приятель мой, зовут...

Тун Хуайцин не дал ему закончить:

— Убожество.

Его тонкий палец ткнулся в изображение овечки. А затем, словно считая недавний вердикт мягким, юноша припечатал:

— Редкое убожество.

На белом круглом бисквите красовалась розовая рюша из крема, рога овцы были небрежно выведены шоколадной глазурью, вместо глаз и носа — карикатурные точки, а рот изображал мазок красного джема. Цветовая гамма отдавала дремучим провинциальным лубком. Но вишенкой на этом шедевре являлся букет ядовито-ярких кремовых роз, втиснутых аккуратно между рогов. Не щадили красителей, навалили от души.

Вообще-то Тун Хуайцин питал слабость к десертам и считал чашечку чая с кусочком тирамису естественной частью дня. Но это чудовище оскорбляло его чувство прекрасного.

— Растительные сливки? — спросил он.

Под пристальным взглядом его темных, похожих на стеклянные бусины глаз Мэн Лэ даже дышать сперва побоялся.

— Ну... да... — забормотал он виновато. — Из них же форму держать легче...

Лицо Тун Хуайцина оставалось бесстрастным. Он повернулся к Чи Е:

— Нужны натуральные, животные сливки.

— Это еще зачем? — Чи Е про такие тонкости отродясь не слышал. Сливки и сливки, какая разница?

— Детям вредно разную химию есть, — Тун Хуайцин брезгливо перелистнул страницу. — Да и в целом — уродство.

Сказано это было с тем же невозмутимым видом, с каким говорят о погоде или о каше на ужин.

Мэн Лэ сжал в кулаках розовый фартук, с готовностью изображая крайнюю степень обиды:

— Все берут картинки из интернета, а я сам пек! Ну да, на фото, может, вышло корявенько...

— Именно, — спокойно кивнул Тун Хуайцин, не думая его щадить. — Выглядит кошмарно.

Мэн Лэ всхлипнул:

— У-у-у...

— Хорошо тебе, — попытался замять конфликт Чи Е. — Ты только что его таосу уплетал. Пусть вид подкачал, зато вкусно.

Тун Хуайцин не стал спорить и просто пошел к выходу:

— Как знаете. Главное — никаких растительных сливок.

И дело не только во вреде: от этой искусственной массы на зубах оставалось ощущение жеваного пенопласта.

На улице припекало, солнце слепило глаза. Тун Хуайцин прикрылся ладонью — Чи Е за ним не последовал.

Грузовой трицикл стоял у обочины. Тун Хуайцин неторопливо подошел, сладко зевнул и помешкал: не вернуться ли за пачкой таосу? Торты у них ужасные, а вот печенье оказалось весьма недурным.

Осень вступала в свои права, но цикады все еще не унимались, упрямо треща на все лады.

«Что он там застрял?» — подумал юноша и снова зевнул.

Не успел он опустить руку, как перед глазами потемнело, а на голову нахлобучили что-то объемное. Нащупав поля, он понял: широченная соломенная шляпа. Должно быть, женская — сзади мотался черный бантик. Полям такой ширины завидовал бы и зонтик.

Чи Е своим широким шагом уже обогнал его и сидел за рулем. Широкоплечий, развалившийся на сиденье, уперся правой ногой в переднюю панель — вылитый уличный задира.

— Это еще чье? — насупился Тун Хуайцин. — Зачем мне на голову нацепил?

— Тебе купил, носи! — буркнул Чи Е. Похоже, ему невтерпеж хотелось закурить, но пачки в карманах не оказалось, отчего голос звучал раздраженно.

Осеннее солнце жгло беспощадно. А у этого недотроги кожа нежная — чуток припечет, и весь красный ходит.

Тун Хуайцин заглянул под тулью: ярлычок действительно не сняли. Покорно смирившись с неизбежным, он надел шляпу обратно.

Забавный всё-таки уезд: в автомастерской торгуют эскимо, а в кондитерской — соломенными шляпами.

— И впрямь уродливые торты. Поедем в другую лавку, — с досадой вздохнул Чи Е, окончательно оставив мысли о сигарете. — На вот.

Он протянул пакетик, в котором тяжело покоилось полцзиня свежей таосу.

Тун Хуайцин уселся на лавку в кузове. Протягивая руку за пакетиком, он случайно задел пальцы Чи Е — горячая кожа коснулась прохладной.

— Да кому нужны твои сласти... — пробормотал Тун Хуайцин, доставая печенье. Откусил кусочек и поморщился: — Приторно.

Чи Е окончательно потерял терпение. Мало того что без курева остался, так еще приходится возиться с этим барчуком! Он повернулся и смерил его тяжелым взглядом:

— Тебе еще и водички подать, а, принц?

— Давай, — со всей естественностью кивнул Тун Хуайцин. — Только теплую. Ледяную не пью.

Электротрицикл стоял в тени раскидистого дерева, чьи плотные листья тихо шелестели, отбрасывая ажурную тень.

— Могу и крышечку открутить, не переломлюсь!

— Будь любезен, — с непробиваемым видом отозвался Тун Хуайцин. Чего стесняться? Руки-то у него не для черной работы.

— Может, еще и к губам твоим поднести? — с подначкой ухмыльнулся Чи Е.

— Сойдет.

Пальцы у юноши липли от крошек, мариновать бутылку не хотелось.

— А рот в рот напоить не требуется?! — рыкнул Чи Е и дал по газам.

Мощный рывок едва не выбил Тун Хуайцина из кузова. Крошки от таосу веером разлетелись по его брюкам. Одной рукой он судорожно вцепился в поручень, а другой сжал поля шляпы, чтобы ту не унесло ветром. Сюда-то они тащились со скоростью черепахи, откуда ж было знать, что эта рыдванка способна издать такой звериный рык и развить бешено-опасную скорость!

В реве мотора и свисте ветра огромные поля шляпы заломились назад, открывая шелковистые пряди у лба. Тени больше не было, и солнечный свет озарил белое до прозрачности лицо с аккуратным носиком, сморщенным от ярости.

— Чи Е! — перекрывая шумы, закричал Тун Хуайцин. — Ты... ты псих безумный!

Чи Е даже нашел время обернуться с довольной ухмылкой:

— Что такое? Ты ж у нас барин, привык, чтобы все готовое на блюде подавали. Подумаешь, водички из ротика в ротик отпил бы!

Чи Е столько лет держит уезд Аньчуань в авторитетах не только благодаря крепким кулакам, но и потому, что за словом в карман не лезет. Брат Чи спуску никому не даст. А если вам показалось, будто его обделили, — значит, он сам решил сжалиться.

Сжалиться... если только перед ним не расплачутся. Вот с женскими да девичьими слезами Чи Е сладить не умел, а остальное — тьфу, мелочи.

Тун Хуайцин все так же отчаянно держал шляпу, не имея возможности даже разлепить сожмуренные от ветра глаза:

— Если ты... если ты посмеешь...

— Что «посмеешь»? Меня стошнить надумал?

Чи Е наконец сбросил скорость, лихо затормозил у тротуара и заглушил мотор. Вытащив ключ, он в один прыжок слез на землю и сдернул шляпу с головы спутника.

Волосы у Тун Хуайцина встали дыбом, лицо выражало полную прострацию.

— А шляпу снять — ума не хватило? — Чи Е едва сдерживал смех. — Вцепился, будто ее ураганом уносит!

Тун Хуайцин лишь хлопал длинными ресницами, оглушенный быстрой ездой.

— Ладно, пошли. Купит тебе братец нормальный торт!

Чи Е хохотнул во все горло и по-свойски сгреб Тун Хуайцина за плечо:

— Вроде рожа умная, а дурак дураком...

<http://bllate.org/book/19966/1985825>